

Людмила Сараскина

**Магический реализм романа Ф.М. Достоевского
«Игрок» как феномен «опасного» творчества**

(Доклад на XI симпозиуме Международного Общества Достоевского, Баден-Баден, 4—8 октября 2001)

157 лет назад, 19 октября 1844 года, инженер-подпоручик Ф.М. Достоевский уволился от военной службы по домашним обстоятельствам. К этому моменту у него были серьезные денежные долги, грозившие тюрьмой. Спасение виделось лишь в отказе от своей доли наследственного имущества, приносящего до тысячи рублей ассигнациями ежегодного дохода. Сумма в тысячу рублей серебром, которую просил Достоевский у своего опекуна П.А. Карепина, составляла, по тогдашнему курсу валют, 3500 рублей ассигнациями; и значит, вышедший в отставку Достоевский отдавал имение фактически за бесценок, за трехлетний доход, обрекая себя на окончательную и вечную нужду.

Тщетно пытался влиять примером немецкой практичности и аккуратности доктор А.Е. Ризенкампф, который поселился в Петербурге вместе с расточительным приятелем на одной квартире. Еще в 1843-м полученная из Москвы тысяча почти вся была проиграна на бильярде, остаток в 50 рублей украден партнером, которого Достоевский зазвал к себе и оставил одного в кабинете. Еще одна тысяча, полученная в феврале 1844-го, также растаяла за день. На беду, вспоминал Ризенкампф, отправившись ужинать к Доминику,

Достоевский с любопытством принялся наблюдать за бильярдной игрой. Тут подобрался к нему какой-то господин и указал на шулера, которым была подкуплена вся прислуга в ресторане. «Вот домино так совершенно невинная, честная игра», — сказал якобы незнакомец». Федор Михайлович немедленно захотел выучиться новой игре, — но на обучение понадобилось целых 25 партий, и «последняя сторублевая Достоевского перешла в карман партнера-учителя»¹.

Эти эпизоды биографии Достоевского составляют как бы пролог темы. Драматические обстоятельства молодости писателя и законы Российской империи, где игорные заведения были предусмотрительно запрещены, воспрепятствовали тому несчастью, чтобы игра завладела им еще в начале пути. И здесь уместно поставить вопрос: почему после общедоступного бильярда (столы были не только у Доминика, не только у Излера, но и во многих других петербургских ресторациях, и Достоевский пробовал бильярд снова в 1861-м, в Парголово), после столь же демократического домино, после карт (стихии, по слову Вяземского, «непреложной и неизбежной»), которые со времен царя Алексея Михайловича владели всей империей и процветали, например, в доме семипалатинского судьи Пешехонова и в доме сестры Веры Михайловны Ивановой, почему после всех этих азартных проб Достоевский все же выбрал рулетку?

Уже после первых опытов казино ответ был явлен. Бильярд немислим без хорошего глазомера, четких движений и крепких рук, гибкого тела и здоровых суставов, а также ясных представлений о кинематике. Домино, как и карты, невозможны без комбинаторной памяти, без умения блефовать, без учета партнера. Бильярд и преферанс, домино и штосс требуют навыка, мастерства и очень зависят от квалификации игрока. Здесь уместно говорить о стратегии и шансах.

Иное дело рулетка, где вероятность попадания на роковое зеро — $1/37$ и где никакая стратегия игры не может быть выигрышной. Рулетка не требует от игрока опыта и специальных знаний, и он, игрок, может подкатить к столу даже и в инвалидном кресле. Один оборот колеса, и все изменится; и вчерашние моралисты придут поздравлять сегодняшнего счастливец. Рулетка — это мистика везе-

ния, эзотерика удачи, торжество слепого случая и вызов судьбе в самом чистом виде, риск отчаянных и одержимых, дерзнувших дать своей жизни щелчок по лбу или выставить ей язык.

«Ради Бога не играй больше. Где уж с нашим счастьем играть? Что головой не возьмем, того счастье нам не даст»², — писал Достоевскому брат Михаил в 1862-м; тогда, в свое первое заграничное путешествие, Достоевский впервые зашел в висбаденский воксал, а потом на день заехал в Гомбург; он все больше присматривался, но с тех дней и началось его легендарное игорное десятилетие. Уже в 1863-м, на пути в Париж, к Сусловой, он на 4 дня остановился в Висбадене, чтобы дать волю фантазии. «Все проигрываются дотла, — писал он с места действия свояченице В.Д. Констант, — потому что не умеют играть. Играла там одна француженка и один английский лорд; вот эти так умели играть и не проигрались, а напротив, чуть банк не затрещал. Пожалуйста, не думайте, что я форсю, с радости, что не проиграл, говоря, что знаю секрет, как не проиграть, а выиграть. Секрет-то я действительно знаю; он ужасно глуп и прост и состоит в том, чтоб удерживаться поминутно, несмотря ни на какие фазисы игры, и не горячиться. Вот и все, и проиграть при этом просто невозможно, а выиграете наверно» (28, II; 40).

И вот висбаденская рулетка коварно дарит ему выигрыш в 11 тысяч франков, и это в четыре раза больше взятых взаймы 1500 рублей серебром, которые ему ссудил Литературный фонд. И всего через неделю, в Баден-Бадене, на фоне крайне сложных отношений с подругой, он теряет остаток выигрыша и основной капитал. Однако пока это все еще роскошное, увлекательное приключение — без которого «жить было бы скучно» (28, II; 43). Игорный сезон завершается материальными потерями, но дает важные стратегические приобретения.

Во-первых, он убеждает себя и брата, что в Висбадене удалось создать беспроигрышную систему игры. «Я <...> употребил ее в дело и выиграл тотчас же 10 000 франков. Наутро изменил этой системе, разгорячившись, и тотчас же проиграл. Вечером возвратился к этой системе опять, со всею строгостью, и без труда и скоро выиграл опять 3000 франков» (28, II; 45).

Во-вторых, он легко находит для себя извинительные мотивы. «Тут шутя выигрываются десятки тысяч. Да я ехал с тем, чтоб всех

вас спасти и себя из беды выгородить. А тут, вдобавок, вера в систему. <...> А мне надо деньги, для меня, для тебя, для жены, для написания романа» (28, II; 45).

И третье: новые впечатления рачительно идут в дело — в план рассказа о заграничном русском, который третий год играет по игорным домам. Так что и сама игра выглядит как сбор литературного материала, как необходимый элемент творческого поведения.

До сих пор приключения писателя-игрока еще не выходят из разряда обыкновенных; порой даже заурядных. Но далее замысел сочинения об игроке вступает в автономную, самодовлеющую фазу. Находясь в Риме, Достоевский письмом просит Н.Н. Страхова раздобыть аванс у П.Д. Боборыкина, чтобы уже через месяц, то есть в ноябре 1863-го, напечатать задуманный рассказ об игроке в «Библиотеке для чтения». Завлекая издателя иллюзией плана, писатель обещает дать «НАГЛЯДНОЕ и подробнейшее изображение рулеточной игры» (28, II; 51). Боборыкин высылает 300 рублей, Достоевский получает их в Турине, немедленно расстается с Сусловой и отправляется в Гомбург, где, как известно всем знатокам, самая настоящая игра и есть. Он играет неделю, проигрывается дотла, просит у Сусловой, чтобы та выручила его; она, заложив часы и цепочку, присылает 350 франков; на деньги Сусловой, однако, можно доехать только до Дрездена, и уже в Дрездене он просит займы еще и у графа А.К. Толстого, после чего возвращается в Петербург.

Так в историю создания романа «Игрок» включается мистика денег: аванс, полученный под замысел сочинения об игроке, без промедления швыряется автором-сочинителем на игорный стол в заведении экстра-класса и немедленно проигрывается. Но за сам рассказ писатель так и не берется: наследство, 3 тысячи рублей серебром, доставшиеся ему после смерти дяди А.А. Куманина, дают возможность расплатиться с кредиторами и освобождают от жестокой необходимости отрабатывать аванс. Аванс Боборыкину возвращен, замысел отложен, но наркотическая уверенность, что расчисленная в Висбадене система ставок беспроигрышна, остается. Это и станет ахиллесовой пятой игорного поведения Достоевского.

Между тем брат Михаил предупреждал его: «Так [как ты игра-

ешь], брат, всегда будешь в проигрыше. Выиграл 10 т. и баста на время. Из них 7 т. на другой же день ты должен был послать мне, для того чтоб я положил их для тебя в банк, а на остальные продолжай играть, и поверь — ты будешь играть на них совсем легче»³. Михаил Михайлович был прав: ни о какой другой системе игры не могло быть и речи; в рулетке ее не существует в принципе. Искать стратегию, нацеленную на победу, бессмысленно. Расчет на хладнокровие, которое удержит от проигрыша, может сработать, если крупье не подыгрывает «своим» игрокам, с кем позже делит добычу. Но крупье-профессионалы (или дилеры, как их сейчас называют в русских казино) умеют катать шарик, блюдут казенный интерес и недаром убеждены, что у игорного заведения не может выиграть никто.

И вот центральный эпизод предыстории. В июле 1865-го Достоевский подписывает кабальный контракт с Ф.Т. Стелловским на трехтомное собрание сочинений, которое обязательно должно включать новый роман. Достоевский получает 3000 рублей серебром, уплачивает самые срочные долги, оставляет себе 175 рублей, на которые и выезжает за границу. «Хотя я теперь не думал поправлять игрой свои обстоятельства, — сообщает он И.С. Тургеневу, — но франков 1 000 действительно хотелось выиграть, чтоб хоть эти три месяца прожить» (28, II; 128). Достоевский отчетливо сознает, что для поездки ему необходима сумма, втрое большая той, с которой он пустился в трехмесячное путешествие. Теперь он полагается на казино как на единственного своего кредитора.

Можно видеть роковую зависимость проигрышей Достоевского, сделанных до написания «Игрока», от происхождения денег, на которые он играет. Если в 1863-м в Гомбурге проигран аванс за рассказ, то в 1865-м, в Висбадене, в три дня проигран уже остаток от гонорара Стелловского, который включает и весь заработок за ненаписанный роман. Этот проигрыш становится причиной скандальной истории с Тургеневым (когда Достоевский забыл о факте, а Тургенев о сумме долга), унижительной истории с Герценом (который обидно отказал Достоевскому ссудить деньги), займа у Врангеля, займа у священника Янышева и наконец займа у Каткова — уже под «Преступление и наказание». К июлю 1866-го, за четыре месяца до рокового 1 ноября, единственным источником су-

ществования остаются авансы Каткова, которые все же не могут покрыть и десятой доли вексельных и денежных долгов.

Теперь, когда он загнан в угол крайним сроком сдачи работы и крайним же безденежьем, и приходит время «Игрока». За три месяца до 1 ноября он берется за план. За месяц, по совету Милюкова, соглашается на стенографа. За 28 дней появляется стенографка. Нет нужды касаться этого сказочного эпизода биографии Достоевского. Моя задача — увидеть итог четырехнедельной работы над романом «Игрок» глазами писателя-игрока.

1. Итак, Достоевский в почти безнадежной ситуации внезапно обретает верного сотрудника. Качество и эффективность необычной помощи заставляют его втянуться в работу, и вскоре он уже не сочиняет изустно, а работает ночью и диктует по рукописи. Помощница проникается сочувствием и готовностью к солидарным действиям, ибо она — соучастник творческого процесса. Чувство взаимной симпатии возникает в ходе общего дела. Он смог завоевать ее сердце, показав, на какие блестящие импровизации способно его творческое воображение. Вдохновенные фантазии писателя о страстной любви к одной женщине разворачиваются перед глазами другой женщины, которая обязана превращать его диктовки в текст. Заканчивая диктовать роман, он понимает, что не сможет жить без нее и получает ответное признание. Это и был сверхвыигрыш, грандиозная писательская и мужская победа. Если правда, что у него был выбор из трех путей — ехать на Восток, в Константинополь и Иерусалим, ехать за границу, чтобы погрузиться всей душой в рулетку или жениться второй раз и искать счастья в семье, — успех совместной работы и определил выбор.

2. Выполнив контракт к сроку, он не должен был платить неустойку, сохранил за собой авторские права на сочинения, созданные за двадцать лет литературной работы, и одержал победу над издателем-хищником.

3. Успех новой технологии письма вдохновил его, он увидел, что работа идет в два раза быстрее; так что за четыре недели декабря 1866-го они, уже жених и невеста, сделали вместе семь листов последней части «Преступления и наказания». Этим успехом был закреплен кредит у Каткова, необходимый для свадьбы. «Наша судьба решилась» (28, II; 176), — написал невесте Достоевский, имея в виду, что свадьба будет сыграна на аванс от

Каткова в счет будущих сочинений.

Достоевский отнюдь не стеснялся того факта, что «Игрок» получился романом-авантюрой. Он готов был к эксцентрическим вещам и писал, что ни один из писателей, никогда, не работал в подобных условиях и что Тургенев умер бы от одной мысли. **«Игрок» стал романом-игрой, в котором писатель-игрок не только сочувствует герою-игроку, но и играет вместе с ним.** Оба одержимы пагубной страстью, оба познали коварный соблазн игры, меняющей судьбу. Автор-игрок дает игроку-герою дурманящий опыт сверхудачи, когда можно наконец безраздельно властвовать над чертовым колесом рулетки. Волшебный миг выигрыша видится ему как воскресение из мертвых. **«Игрок» — это сочинение, в котором солидарность автора и героя в аспекте падения достигает максимальной и даже запредельной степени.** Это творчество на краю бездны, когда рушатся барьеры между вымыслом и действительностью, когда тайные силы хаоса получают свободу и магическим образом претворяют фантазии в реальность. Тотальная мономания, рассказ «от Я» игрока, когда оно, это «Я», выступает настолько слитно с «Я» авторским, что кажется, будто автор потакает герою с дерзким вызовом, атмосфера маниакальности и опаснейший фаталистский финал (где игорный омут радикально побеждает игрока), создали прецедент феноменально рискованного писательского опыта. Будто волшебным фонарем Достоевский осветил свой воображаемый, но как будто отмененный второй путь — ехать за границу и погрузиться всей душой в игру.

Слишком велики, однако, были ставки в игре, именуемой роман «Игрок». Очень скоро стало очевидно, что абсолютного выигрыша не бывает, и наступила жестокая расплата за баснословную удачу автора. Пугающе скоро, фактически немедленно, сработал эффект «наведения на себя» (автор не только не освобождается от порочных страстей героя, используя свой прежний личный опыт, но выпускает на волю губительную стихию, готовую поглотить его самого).

Не далее как через пять месяцев после выхода романа в 3-м томе собрания Стелловского, через три месяца после свадьбы и на третьей неделе заграничной поездки с женой Достоевский неистово рвется в Гомбург — попытать счастье за рулеткой. Теперь он не

одинок и не в крайности, как в 1865-м; ему не надо никого спасать, как в 1863-м; но как Алексей Иванович, герой «Игрока», он всей душой верует в шансы, в разные методы игры, в варианты ставок, во всю эту коварную арифметику, а также в необходимость продолжительного пребывания и даже проживания в игорном городе.

Отныне писатель идет за героем след в след, дикая мысль соединяется со страстным желанием, комбинация предчувствий принимается за фатальное предначертание, страсть превращается в манию. Положение усугубляется тем, что Анна Григорьевна, единственный свидетель творческого эксперимента писателя Достоевского, всецело подчиняется фантазии игрока Достоевского; и ему, уже отравленному «своенравием случая», удастся внушить молодой жене мысль о неотвратимости дальнейших игорных опытов. Он разворачивает перед ней ту самую стратегию, которая была опробована на Алексее Ивановиче: если быть благоразумным, холодным и *нечеловечески* осторожным, то непременно, *безо всякого сомнения*, можно выиграть *сколько угодно*. Надо лишь играть много времени и много дней...

И вот после 11-дневного игорного загула в Гомбурге они перебираются в Баден-Баден — ради маниакальной идеи: **не наезжать в игорный город время от времени, а проживать в нем постоянно**. Игра в Баден-Бадене, ежедневная и многочасовая, длится 51 день; проигрываются деньги от Каткова, от тещи А.Н. Сниткиной, от писателя И.А. Гончарова, тоже игравшего здесь. Закладываются часы, обручальные кольца; броши и серьги — свадебные подарки жены, затем ее мантилья, шуба, платья, его пальто и фрак. «Это было что-то кошмарное, вполне захватившее в свою власть моего мужа и не выпускавшее его из своих тяжелых цепей»¹.

В Баден-Бадене игорная стратегия Достоевского потерпела полный крах. Анна Григорьевна поняла, что ему никогда не удастся выиграть и что она столкнулась с темной стихией, от которой можно спастись только *бегством*. И если бы рулетка была в каждом городе их европейского маршрута, ее муж несомненно бы погиб. Два года назад, в 1865-м, проигравшись в Висбадене, он писал А.П. Сусловой о ситуации «*nes plus ultra*» (дальше некуда). «Далее уж должна следовать другая полоса несчастий и пакостей, об которых я еще не имею понятия» (28, II; 131). Теперь, в 1867-м, в преддвее-

рии романа «Идиот», эта полоса наступила.

Хроника игры после семи недель Баден-Бадена впечатляюще драматична: три дня в сентябре этого же 1867-го в Саксон ле Бен и полный проигрыш; три дня в ноябре 1867-го и тот же фатальный проигрыш: рулетка будто мстит ему, не давая выиграть и малости. Наступает игорная агония: «Не надо меня и пускать к рулетке. Как только прикоснулся — сердце замирает, руки-ноги дрожат и холодеют» (28, II; 234). Далее были три дня в марте 1868-го, неделя в апреле 1870-го и неделя в апреле 1871-го. Он научился отвечать на упреки жены письмами «подлыми и жестокими», умел вытребовать у нее последние хозяйственные деньги, убеждая, что он не подлец, а только страстный игрок. Он научился легко давать обещания, что играет в последний раз. Когда не было денег, он часами простаивал у стола и делал ставки мысленно. Мысленно он всегда выигрывал. Он дошел до самого конца. «Трудно было быть более в гибели...» (28, II; 235) — написал он; после этого признания гибель длилась еще 5 лет.

Апрельская поездка 1871-го года, совершенная в момент тяжелого творческого кризиса, когда ему казалось, что за границей талант гибнет, была инициирована женой. И он впервые за десять лет не хотел, боялся играть. Накануне он видел во сне отца и свою двадцатипятилетнюю Аню совершенно седой и был потрясен до глубины души. И все же поехал, играл, все проиграл, снова каялся, просил прощения — так же, как прежде десятки раз.

Сам он был уверен, что этот раз — последний. «Теперь эта фантазия кончена навсегда. <...> Я никогда не ощущал в себе того чувства, с которым теперь пишу. О, теперь я развязался с этим сном и благословил бы Бога, что так это устроилось <...>. Надо мной великое дело совершилось, исчезла гнусная фантазия, мучившая меня почти 10 лет. Десять лет <...> я все мечтал выиграть. Мечтал серьезно, страстно. Теперь же все кончено! <...> Я теперь буду об деле думать и не мечтать по целым ночам об игре, как бывало это. Я перерожусь, я жизнь новую начинаю... А до сих пор *наполовину* этой проклятой фантазии принадлежал» (29, I; 198—200). Он не старался убедить жену, будто сам, своими силами может удержаться от «гнусной фантазии». Его заслуги вроде и не было — не он совершил великое дело, но оно совершилось над ним. С благодарно-

стью отдавал он свое новое сочинение на волю высших сил, которые — теперь он был уверен в этом — действительно помогали ему. Похоже, новый роман спасал его от игорного вихря.

Действительно, опыт 1871 года положил предел многолетнему кошмару. В свете того, что апрельский эпизод стал и в самом деле последним, напомним строки из пламенных висбаденских писем, где звучало страстное обещание — ни за что, ни в коем случае не ходить к здешнему батюшке Янышеву. «К священнику *не пойду*, ни за что, ни в коем случае. Он один из свидетелей старого, прошедшего, прежнего, исчезнувшего! Мне больно будет и встретиться с ним!» (29, I; 200).

Сразу по приезде в Дрезден, принявшись за продолжение «Бесов», Достоевский записал вчерне несколько сцен на тему «Князь и Тихон». Вместо сочинителя, надорванного гибельным вихрем игры, на исповедь и покаяние к старцу отправлялся новый герой — «безмерной высоты». Сомнительное обаяние рулетки и скромные достоинства игрока Алексея Ивановича меркли перед масштабами грандиозного и в высшей степени опасного замысла. Рискованная художественная игра, завораживающая магия подлинности рождали новую творческую легенду, чреватую неизбежными жертвами. «Тут действительно есть что-то, что переступает за черту искусства»⁵, — напишет позже Мережковский, первым прочтя главу «У Тихона». Этой опаснейшей работе и суждено было вытащить Достоевского из омута русской игры, чтобы явить то единственное в своем роде исключение, о котором говорил благородный английский сахаровар мистер Астлей.

Примечания

¹ См.: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М.Достоевского. СПб., 1883. С. 63.

² Ф.М.Достоевский. Материалы и исследования. Под ред. А.С.Долинина. Л., 1935. С. 536.

³ Там же. С. 540.

⁴ А.Г.Достоевская. Воспоминания. М., 1987. С. 182.

⁵ Д.Мережковский. Л.Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 63.